

ТАТЬЯНА ШАНКРАТОВА

ТЕХАС

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Татьяна Панкратова

Техас (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27822507

Техас (сборник) / Татьяна Панкратова: Четыре четверти; Минск; 2018

ISBN 978-985-581-167-2

Аннотация

В сборнике представлены три повести.

«Техас» – о жизни подростков подмосковного города Мытищи (на местном жаргоне его называют Техасом) в конце 90-х годов. В центре сюжета любовный треугольник: главная героиня влюбляется в первого парня во дворе, он становится бандитом, а его лучший друг уходит в армию, чтобы не мешать влюбленным.

«Черный квадрат» – о молодежных нацистских организациях в России и о тех, кто им противостоит. Героиня учится в столичном художественном колледже, где объявляют конкурс по интерпретации известных художественных произведений. И ей приходит на ум выкрасить черной гуашью картонную коробку из-под телевизора, а потом, вырезав отверстия, водрузить ее на плечи соседа по дому, чернокожего юноши Джона. В таком виде автор и герой появляются на конкурсной эстраде. Брат и любимый главной героини оказались на стороне скинхедов, на другой – жизнь ее друзей, близких и дорогих для нее людей.

«Замкнутый круг» – о кризисе семьи в современном обществе, о детях из детских домов. Главная героиня пытается понять, как самые родные в одночасье становятся чужими. Что это за сила, которая навсегда может лишить человека матери и отца. И в то же время ей самой предстоит нелегкий выбор.

Содержание

Техас

6

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Татьяна Панкратова

Техас. Сборник

© Панкратова Т., 2018

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”»,

2018

Техас

Техас – это крошечный кусочек суши, разумеется, если сравнивать его со вселенной; а для кого-то это дом, и целый мир, и родина, и любовь, и детство. Я не знаю, откуда взялось это название. Говорят: «Просто людям делать было нечего, вот и прозвали так», «Ну, типа, Дикий Запад».

Вероятно, из-за огромных пустырей и постоянных бандитских разборок. В нашем Техасе всегда велась борьба за власть. Всего лишь десять лет назад перестрелки случались прямо на площади. Морги были забиты трупами успешных авторитетов. Впрочем, это название появилось так давно, что никто и не помнит, кто его придумал. А может, этого кого-то уже давно нет на свете.

Мытищи – маленький город. Железная дорога делит его на две части: старые и новые Мытищи. Старые по правую сторону, вдоль Ярославского шоссе (их то и называют на местном жаргоне – «Техас»). Мы переехали сюда из Долгопрудного, когда мне было три года.

Вскоре развелись мои родители. Я очень хорошо помню тот вечер, когда отец забрал вещи и уехал. Мы с братом деремся из-за коробки от магнитофона, он хочет складывать туда кассеты, а я хочу сделать из нее домик для кукол, мама сидит на полу и плачет. Коробку мы порвали, и она никому так и не досталась.

Наш дом двадцать второй по счету на улице академика Каргина. Панельная девятиэтажка, построенная в конце семидесятых, стоит на перепутье, в какую сторону ни глянь – всюду будет развилка.

Если пойти налево – то окажешься в районе ветхих пятиэтажных домов. Хрущёвки и сталинки утопают в зелени и тишине. Крохотные чистые дворики, почти не выдавшие машин, свежестиранное бельё на веревках.

За ними на поле огромной буквой «П» расположилась моя школа. Рядом с ней – детский садик «Елочка», в который я ходила.

Если же пойти направо – придешь к Владимирской церкви. Оттуда доносится колокольный звон, я под него просыпалась когда-то. Бывает мне и сейчас мерещится, что я его слышу. Туда мы теперь ходим святить куличи, ставить свечки и причащаться.

За моим двором – пустырь. Потом здесь появится новый дом, с большими дорогими квартирами.

А прямо через дорогу – огороженная территория. Обещали сделать спортивный комплекс с бассейном, но в итоге получилась вечная не завершённая стройка. Уже около десяти лет на этом месте два заброшенных здания. Там собираются наркоманы и бомжи, наши мальчишки тоже лазят туда, для них это вроде проверки смелости. Сторож их гоняет, а им все нипочем. Совсем близко стадион «Торпедо» – сюда меня в пять лет записали в секцию по фигурному катанию. В

двух шагах от него старый дом культуры. Раньше в нем был кинотеатр, детские кружки и библиотека. Теперь – ночной клуб «Индиана Джонс».

В нашей квартире четыре комнаты, мама все время называет их «клетушками». Все окна выходят во двор. Но только из моего окна видно большую березу. По ней всегда можно определить время года: осенью ее листья окрашиваются в цвет багряной охры и неторопливо умирают, разбиваясь о землю; зимой она оденется искрящейся белой шубой; весной наохлится, набирая бутоны; а летом зазеленеет.

Автобусная остановка называется – «Химгородок». Это оттого, что неподалеку находится завод «Химволокно», где моя мама проработала три года экономистом. У нас в городе всегда было много заводов. Железные громады стоят и по сей день, исторгая смрад.

Помимо всего прочего на «Химволокне» производили удивительные, не горящие в огне, нитки. Они наматывались на длинные катушки и мерцали диковинным медно-розовым цветом. Я долго упрашивала маму, принести эти нитки, а когда она их принесла – они оказались просто нитками, самыми что ни на есть обыкновенными. Такое случается.

Сложно назвать день, когда всё это началось. Это произошло как-то постепенно, как-то незаметно для нас. Разве мы тогда могли представить, чем всё это закончится.

Просто с разницей в несколько лет мы родились в Советском Союзе. Во время его медленной мучительной смерти.

Кто скажет нынче точно: успели или опоздали?

Мы были обычными детьми. Как все болели корью и ветрянкой, играли в «казаки-разбойники» и «салки», мечтали поскорее стать взрослыми.

Двор и в самом деле был небольшим, но нам чудилось, будто это гигантская планета. На пустыре были свалены бетонные плиты, в них мы ухитрялись пролезать, – получался двухэтажный домик. Там мы прятали маленьких щенков, чтобы за ними не приехали собаколовы, по очереди ходили их кормить. У каждого был свой щенок. Часто мальчишки перетаскивали их в свой шалаш, и начиналась борьба. Место нахождения их штаба всегда было засекречено, как только оно становилось известно – они тут же искали новое.

Два старых полужасохших дерева – тоже нередко служили домом. На них можно было залезать и развешивать различные драгоценные штуки: стекла, бутылки, фантики, листья, цветы, кусочки ткани и прочее – мы находили их под окнами. Также из этого богатства делались «секретики»: цветы, листья и красивая фольга – клались в специально вырытую ямку, накрывались стеклышком и тщательно закапывались. Может, мы думали, что их когда-нибудь раскопают наши дети или какие-нибудь чужие? Не знаю. Просто это было красиво.

Между двором и пустырем был небольшой овраг. Над ним взрослые ребята сделали тарзанку – привязали дощечку к толстой веревке, которая имела обыкновение рваться в са-

мый не подходящий момент. Так произошло, когда на ней катался Сашка Козаков. Хотел показать, какой он храбрый, прыгнуть прямо с ветки, на которой все держалось – и упал. Все смеялись, а я нет. Мне его почему-то было жалко, наверное, ему все-таки было больно. У него есть брат близнец – Сережка, до сих пор не могу их отличить друг от друга. Они жили в доме, за пустырем, и учились в одном классе с Женей, Ильинским Игорем (Илюхой), Братухиным Лешкой (Братаном), Димой Екимовым (Кимом), Костей Филиным (Филей), Филимоновым Егором (Филимоном), Семёновым Стасом (Сёмой), Кузиным Юрой (Кузей), Лешаковым Славой (лешим) и Немцем. У них была своя взрослая компания. Их считали крутыми. Многие из них жили в моем доме, некоторые даже в моем подъезде. Я в то время часто забывала ключи от квартиры, сидела под дверью и видела их. Когда на улице было холодно, они собирались на пятом этаже, там жил Ильинский (Женя жил на восьмом, а Кузя на девятом), в остальное время они сидели в соседнем дворе, ближе к вечеру подтягивались к ночному клубу «Индиана Джонс».

Когда нам было шесть, а им девять-десять, мы играли вместе и в казаки, и в испорченный телефон, и в чепуху, носились по двору, а вечером жгли костры. В школе на переменах – в прятки и салки. Женька был тогда забавный: светлые волосы; короткая стрижка с длинной челкой, которая все время падала на синие глаза, шепутной, задиристый, драчливый и непоседливый мальчишка. Девчонки смотрели на него с

восторгом и замиранием в сердцах, а он их будто бы не замечал. Машинки и мальчишеские игры – вот, что ему было интересно. Ни минуты не мог усидеть на месте. Лет в десять подрался с Илюхой и рассек себе бровь. Все ужасно перепугались, у него полголовы было в крови. А он совсем не плакал, только растеряно смотрел по сторонам, словно не понимая, что случилось. Нас развели по классам, и я его в тот день больше не видела. Как раз в этом году я только пошла в школу, мы еще застали форму. Черный или белый фартук, бесконечная стирка манжет и воротничков, а еще бант, большой капроновый бант, чуть ли не с мою голову величиной. До школы у меня были очень длинные волосы, темные и прямые, но в детском саду меня заразили вшами – пришлось их остричь. Так я и пошла в первый класс, правда, говорили, что мне идет, интересовались, в каком салоне меня стригли. В руках разноцветный ранец со «спиди-гонщиком» (герой популярного в то время мультика) и букет из розовых гладиолусов. Я должна была быть в «А» классе, нас распределяли по итогам собеседования, но мама не сдала мои документы вовремя, и я попала в «Е». Теперь я даже рада, что попала именно туда, у нас был замечательный класс.

* * *

В восьмом к нам пришла новенькая – Яна. Она жила недалеко от меня в доме около медучилища. Мы как-то вместе

шли из школы, и она предложила сходить в Индиану Джонс на дискотеку.

– Нас туда не пустят! Нам же шестнадцати нет.

– Да, пустят. Там всех пускают. У меня брат туда ходит. Говорит прикольно. Пошли?! Не понравится – уйдем!

– Ну, пошли! – ответила я просто так.

И мы пошли туда в субботу вечером. Жуткая давка на входе, невероятное количество дыма, и люди с безумными лицами. Клуб стилизован под джунгли, кроме того, в соседнем городе Королёве был точно такой же клуб, только назывался Jangle. Тех, кто туда ходил, называли джанглистами. Они устраивали кровавые разборки с нашими ребятами. После таких побоищ большинство попадало в больницу или в милицию.

В баре стоял скелет, повсюду висели зеленые сети и канаты, в танцзале бревна – на них можно было сидеть; вместо столов большие бочки с деревянными лавками. Белые вещи светятся в темноте под действием ультрафиолета, поэтому почти все ходят в белом, остальные в разноцветных майках, топах, юбках или с фосфорными браслетами и кольцами. Такое чувство, что почти все знакомы, постоянно целуются и обнимаются. Мы встретили девчонок из моего дома и стали танцевать в их круге. Все сверкает, блестит и мелькает перед глазами, как нарисованный мультик. Кажется, что это не ты, а какой-то другой посторонний человек, красиво двигающийся под долбящую отовсюду музыку.

Женя стоял у стенки, совсем недалеко от сцены, где танцевали девчонки в коротеньких шортиках и топах апельсинового цвета. В кепке и черных очках – его было сложно разглядеть, но я его узнала. К нему подошла Ольга. Они стали целоваться, он ее обнял. Я не то чтобы завидовала, просто Женя был такой, каким я и представляла себе идеального парня, я думала, такие бывают.

На сцену вышли хардкористы, многие из них были моего возраста, и я их хорошо знала. Самое смешное, когда они, забыв вытащить вещи из карманов, начинают крутиться на голове. Вот и в этот раз из Юркиных карманов посыпалась всякая всячина. Когда я снова посмотрела в тот угол, где стоял Женя – никого не было.

Мы стали ходить на дискотеку каждые выходные. Перезнакомились, наверно, со всеми. Там часто случались драки. Девчонки тоже дрались – похлещи мальчишек. Повод может быть любой: от оскорбления до просто не понравилась. Чаще всего обходилось все мелкими разборками с участием какого-нибудь авторитета (у нас была некая Мусё, которая занималась борьбой – ее все ужасно боялись; или Наташа Кострова, которая была старше всех и имела обширные связи). Нас с самого начала предупредила Катька, что золотые украшения лучше не надевать, денег с собой брать по минимуму, в женский туалет не заходить. Сначала нам как-то везло, до нас только доходили слухи, что девушек избивают, забирают у них деньги и украшения. Вскоре настала наша очередь. Мы

стояли перед входом в клуб с девчонками. К нам подошла Людка со своими подругами (из-за коротких стрижек их называли «лысыми»), они были самыми главными. Люда прижала нас к стенке:

– Деньги есть?!

– Нет! – ответила Яна.

– Как это нет? Вы же на дискотеку пришли, на вход должны быть деньги! Сюда без денег не приходят!

– Ну, мы думали пострелять! – сообразила Юля.

– Пострелять только я могу! Выворачивайте карманы! А то я вас так отделаю, мало не покажется!

Она забрала деньги у девчонок и подошла ко мне:

– У тебя тоже нет?

В этот момент непонятно откуда появился Серега Евдокимов («Толстый», «Пончик» – так его называли):

– Ее не трогай, она моя сестра! Есть у нее деньги, ей мама дала.

– Что, правда, сестра? – спросила она у меня, пристально разглядывая нас с Серегой.

Я кивнула. Серега меня увел. Люда его уважала, вместе учились, почти ровесники. Им было по семнадцать, нам с девчонками четырнадцать. Не понимаю, чего мы тогда так боялись какой-то наркоманки. Мы видели в ней то, чем она никогда не была. Сами же этот культ и создали, про них ходили жуткие слухи. С другой стороны, они ведь могли и избить по-настоящему, если никто за тебя не вступится. Много

было таких случаев, девчонок увозили на «скорой». Помню, как мы тащили домой Юльку. Она подралась с Варькой, одной из них, на улице возле клуба, пришла с разбитым ртом и вся грязная. Это было обычным делом, никто не придавал этому значения.

Ребята дрались даже на танцполе. Мы сидели с девчонками около бара, мимо нас пролетел парень и упал на пол. Его подняли, и начался настоящий бойцовский ринг, пока не пришла охрана. Того парня, его звали Андреем, никто больше не видел. Порядок был простой, кто сильнее – тот и прав.

Обычно было семь или восемь медленных танцев за вечер (мы называли их медляки). Главная интрига: с кем танцевать медляки? Если это твой парень, тогда танцуешь только с ним, иначе будут неприятности, разборки и прочее. Если парня нет – танцуешь с тем, кто пригласит.

Дискотеки затягивают, появляется компания или несколько знакомых компаний, куда можно ходить в любое время. Меня это устраивало, потому что домой идти все равно не хотелось.

* * *

После развода мама начала пить. Я плакала каждую ночь, просыпалась одна в квартире. Вечером мама мне врала, что не уйдет. Я старалась не спать, но все равно засыпала, а когда просыпалась, ее уже не было. Мне казалось, что слезы

когда-нибудь кончатся, вот я их сейчас выплачу и больше не смогу плакать, думала, у человека ограниченный запас слез.

Однажды, мне тогда было лет пять, я пошла к ее друзьям. Я знала, где они собираются, она иногда брала меня с собой. Была глубокая ночь, и мне было безумно страшно идти в темноте, кроме того, я никак не могла вспомнить дом. Когда я их нашла, мама совсем не удивилась, что я пришла одна. Мужчины в нашем доме менялись с завидной регулярностью. Я не осуждаю ее, я даже уже не обижаюсь, просто забыть все никак не могу.

Не могу забыть восьмое марта в детском саду. Я учила стихотворение, она обещала, что придет, но не пришла. Мне было очень обидно, у всех были мамы, а у меня нет. Домой она пришла пьяная и сразу заснула. Я хотела поджарить рыбные палочки, но порезала палец. Видимо задела сосуд, потому что кровь не останавливалась, она все текла и текла. Мне стало очень страшно, я редела, смотрела на этот палец и думала, что я умираю. Пыталась разбудить маму – она не реагировала. Позвонила папе, он сказал, что надо держать под холодной водой. Я спросила, а если не пройдет? Он ответил, что тогда приедет. Не знаю почему, но меня это успокоило, и кровь перестала идти. Только шрам остался, из-за него ноготь на большом пальце наклонился в бок.

У меня были самые дорогие куклы, и даже дом для барби. Девчонки завидовали мне, а я завидовала им, потому что у них были родители. Потому что ими интересовались, их про-

вожали и встречали. А меня редко встречали, даже вечером со стадиона, где я занималась фигурным катанием. И мне всегда было стыдно перед чужими родителями, я им врала, что мама работает, они доводили меня до дома. Многих моих друзей не отпускали гулять, меня отпускали всегда, я и не спрашивала. Все равно никто бы не заметил, что меня нет.

* * *

В феврале тысяча девятьсот девяносто восьмого года на дискотеке Катька познакомила меня с Колей Артамоновым, он был из Женькиной компании, говорили, что они с ним лучшие друзья. Добрый, улыбчивый, с удивительным грустным взглядом, словно слезы в глазах стояли. Он угощал нас мороженым и без конца рассказывал анекдоты. С ним было легко общаться. Мне только потом Катька рассказала, что он детдомовский. Его родители погибли, когда ему было четыре года, из детдома сбежал, даже некоторое время жил при монастыре. Учился он мало. Думаю, закончил классов девять или восемь. Впрочем, он никогда не рассказывал об этом. Хотя, наверное, я и не спрашивала.

Они проводили меня до подъезда, я сказала, что дальше дойду сама. Лифт ехал нестерпимо долго, я прислонилась к стене и стала разглядывать батарею, на которой обычно спали бомжи. Дверь распахнулась, и вместе с февральским холодом в подъезд ввалился Саша с пьяным Женей, которого

шпатель из стороны в сторону. Саша пытался его держать, но он все время вырывался и цеплялся за стену с почтовыми ящиками, бормоча что-то невнятное.

– Не, бля. Ну, ты достал меня уже конкретно! Стой! – Саша резко приставил его к стене около лифта.

– Девушкааа!.. Красиивая!.. – Женя увидел меня и обрадовался.

Двери лифта открылись. Мы запихались вовнутрь.

– Мне третий! – Саша послушно нажал на кнопку.

– Смелая девушка, зашла с нами в лифт! А вдруг мы эти, как его, ...маньяки какие-нибудь!

Я улыбнулась.

– Не слушайте вы его! Просто у него настроения нет, кинули его сегодня прилично.

– А че, не слушайте-то! Я может, серьезно, ваще! Девушка, выходите за меня замуж!

Испуганно мотаю головой.

Он смотрел на меня все тем же наивным детским взглядом, только глаза потускнели и волосы уже не такие яркие.

– Не хотите, да! Вот, видишь, я и ей ни хрена не нужен!

Лифт остановился на третьем этаже. Я вышла.

Женя двинулся за мной.

– Э, вы не думайте ...Я ведь и трезвый бываю! Как ты зовут-то?

Саша с трудом втощил его обратно в лифт.

До дискотек я как-то не задумывалась о ребятах, и ни разу

никого не любила. Если не считать Максима в детском саду. Он подарил мне компас, а я научила его завязывать шнурки. А потом мы пошли в разные школы. И, наверное, он уже не помнит, как меня зовут.

А теперь у всех были парни, а у меня нет. Не то чтобы я никому не нравилась, нравилась и очень многим. Но мне все они были не интересны. Может, я пересмотрела мыльных опер (в детстве меня часто оставляли с бабушкой, так что все сериалы я знала наизусть). Я верила в то, что однажды я встречу его, принца на белом коне. Он будет самым умным, самым добрым и красивым. Мы будем жить счастливо и умрем в один день. Глупо, конечно, но я думала, что так бывает. Где-то внутри была надежда, что все так и будет. Или почти так.

* * *

Девушка на сцене ладошками била по воображаемому стеклу, создавалось иллюзия, будто она и вправду за стеклом и никак не может выбраться. Этот прием называется «стеклышко». В то время на дискотеках он был особенно популярен. Это не сложно, нужно только самой верить больше всех, что это стекло существует на самом деле – тогда и другие в это поверят.

Мне было грустно. Почти все мои подруги – по парам. Смотреть на то, как они целуются, невыносимо. Да, еще Олег

досаждал мне своим присутствием и, как он утверждал, любовью. Он был замечательным парнем, даже симпатичным, но я воспринимала его, как друга, и никак больше. Худенький, ниже меня ростом, он выглядел, как маленький ребенок. Мой брат, увидев его, удивился: «Что это еще за детский сад?».

Я собралась уходить домой, Олег меня упорно не пускал. У него в руках была кружка пива, которая при очередной моей попытке вырваться опрокинулась мне на майку. Пришлось снять ее и остаться в коротеньком синем топике. Из-под него была видна грудь и я стеснялась ужасно. От всего этого совсем стало паршиво. Я села на корточки и обхватила голову руками.

И тут появился Коля:

– Привет! Чего такая грустная?

– Голова болит.

– Сейчас вылечим! Пойдем, потанцуем?!

Он взял меня за руку, и мы пошли танцевать. Он что-то говорил, я не слушала. Потом вспомнила:

– А ты знаешь Женьку?

– Какого еще Женьку?

– Ну, из моего подъезда.

– А, Женька что ли? Конечно, знаю! Он мне вообще как брат! Я ж когда из Сергиева Посада сюда приехал, дурак дураком был, ничего не знал. Меня скины отмутузить хотели, Женька меня отбил. В ментуру сколько раз попадал – он ме-

ня вытаскивал. Я ему по гроб жизни обязан. Хочешь, познакомлю?

– Да... ну! Хотя... давай!

– Ты не замерзла?!

Коля, наконец-то разглядев меня, набросил мне на плечи свитер. Хотя там было жарко и на фоне всеобщей раздетости, я была самой одетой.

– Сейчас. Тут где-то он был.

Через секунду они стояли передо мной.

– Вот, это Женя. А это Таня.

– Типа, привет! – с издевкой произнес он.

Я сняла свитер и вернула его Коле.

Женя уставился на мою грудь.

К Коле подошла Наташка Кострова и со слезами начала упрашивать помочь ей донести Филю до дома, который уже не стоял на ногах. Она тогда с ним встречалась, хотя была влюблена в Илюху, но он встречался с ее старшей сестрой Мариной, впрочем, и не только с ней.

Коля сказал, что скоро вернется, и ушел. Мы остались с Женей вдвоем. Мне стало не по себе, мелкие мурашки забегали по телу. Я совсем не знала, что ему сказать. Когда мечтаешь, представляешь себе и так, и эдак – все красиво. А когда стоишь перед этим человеком лицом к лицу – ноги подкашиваются, голос пропадает. Женька мне нравился, но я и не думала, что он может обратить внимание на меня, за ним столько девчонок бегало.

Заиграл «It must have been love» Roxett – мой любимый медляк.

– Потанцуем?

Он крепко обхватил меня за талию. Я робко положила руки ему на плечи.

– Колян не будет против?

– Да, нет. А чего ты спрашиваешь?

– Ну, я думал, вдруг ты его девушка.

– Да, нет. Ты что!?

Мы, наверно, смотрелись смешно: он метр восемьдесят три и я метр пятьдесят девять.

– Мне, кажется, я тебя где-то видел. Откуда я тебя могу знать?

– Просто я в твоём подъезде живу.

– Да, ладно?

– А ты в музыкалку случаем не ходил?

(Я-то знаю, что ходил. Нарочно спрашиваю).

– Да, на гитару. Года три назад закончил. А что?

– Я на фортепиано туда ходила. Ты здорово играешь!

(Он играл не просто здорово, он играл потрясающе, или во всяком случае мне так казалось тогда. Он мог подобрать на слух любую песню, и у него был такой проникновенный голос, мужественный и в то же время нежный.)

– У тебя кто был по сольфеджио?

– Вера Владимировна! – я улыбаюсь, – по-моему, нет такого человека, которому она бы поставила целую оценку. У

меня за четверть была тройка с четырьмя минусами.

– Это, еще ерунда. Вон, Филимон вообще два с девятью минусами получил.

Я смеюсь.

– Да, он и в школе больше не получал.

(В конце каждой четверти Марина Владимировна выписывала его оценки на доске: один, один, два, один, два, два... И спрашивала: «Ну, и что мы поставим Егору за четверть? Ваши предложения?». Один Филимон поднимал руку: «Три!?!»).

Женя тоже засмеялся.

– Не, школа – это весело. Ким один раз прикололся – спичек в школьный замок напихал, техничка ушла, а сторож внутри пьяный спал. Утром открыть не смогли – всех домой отпустили.

– Ким это такой высокий в красной кепке?

– Да. Вон стоит! – Женя указал в конец зала.

– Он все время там стоит, ни разу не видела, чтобы танцевал. У него взгляд какой-то хитрый и глаза черные. Мрачная личность.

– Да, не, он юморной парень. Вечно в школе приколы всякие отмачивал. Биологичке нос разбил один раз.

– Как это?

– Да, так! Не нарочно, конечно. В кабинете математики дежурил. Доску мыл шваброй, не видел, как она зашла, повернулся и задел ее нечаянно. Ходил потом извинялся, цве-

точки ей носил.

– Бедная Валентина Андреевна.

– Это еще ерунда, вон Сёма, вообще всех рыбок в аквариуме ей отравил, порошка какого-то им насыпал. Правда, никто так и не просек, что это Сема был.

Филя тоже прикалывался. У нас как-то физра была в маленьком зале, в конце крыла. Ну, знаешь?

– Где ритмика у детей?

– Да. Так вот подходит Филя и говорит: «Ща я вам такой прикол покажу!». Мы: «Ладно, давай». Он разбегается и со всего размаха дверь вышибает.

– И че вам за это было?

– Ниче, съе...ись оттуда по-быстрому и все!

– А у нас классная Елена Сергеевна!

– Это такая, которая вечно ходит во всем вязаном с помпонами?

– Ага! Она у нас тут недавно на огоньке баклышку пива отняла и демонстративно вылила в раковину. Дискотеку отменила. Ну, наши пошли к «вэшкам», у них там в открытую все бухали.

– Мы у нее как-то в классе стекло разбили, когда в футбол играли.

– Сильно ругалась?

– Не, это воскресенье было. Палыч (сторож) вышел: «Типа, четыре бутылки – и я вставлю, никто не узнает, только стекло потом принесёте». Ну, мы в магазин сгоняли, поста-

вили ему четыре бутылки – он все вставил. Нормально.

Мы вспоминали про школу, про учителей. Смеялись. Стало как-то проще и веселее. Музыка окутывала чем-то волшебным, протяжный голос солистки, будто проникал прямо в сердце. Белый смог, мерцание разноцветных огоньков, и мы кружимся, прислонившись друг к другу. Дух захватывало. Я танцевала с парнем своей мечты. Разве можно было желать большего?

Медляк кончился, а мы все танцевали, обнявшись. Говорили о какой-то ерунде, о друзьях, общих знакомых. Я не видела его лица, не знала, о чем он думает, но чувствовала, как он дышит.

– О, без десяти уже! Пойдем, а то сейчас народ повалит!

Мы пошли к выходу. Он не заметил, но я видела колючий, ненавидящий Олин взгляд. В раздевалке сидел Толстый, он там работал по выходным, за это ему разрешали проходить бесплатно. Он всегда относился ко мне очень тепло, как к сестре, даже не знаю почему. Но, увидев, нас с Женей насто-рожился.

– О, Женёк, здорово!

Они пожали друг другу руки. Толстый принес нам одежду. Дошли мы очень быстро, но почти молча. Он словно бы о чем-то думал. Заговорили только в лифте:

– Забыл спросить, тебе какой этаж? – как-то растерялся он.

– Третий!

Мне показалось, он загрустил.

– Что случилось? – спросила я.

– Все нормально! – отмахнулся он.

Я вышла – он тоскливо улыбнулся в дверях.

– Пока.

– Шарф! – вспомнила я. – Ты шарф забыл!

Он дал мне его, когда мы одевались, еще в клубе.

Я принялась судорожно стаскивать с шеи спартаковскую розу. Это шарф болельщика, на котором изображена символика команды. У нас в то время все в основном болели за «Спартак», коней, то есть болельщиков «ЦСКА» или армейцев, почти не было, их всех перебили, кроме разве что Позднякова, его не тронули. Правда, потом его все равно посадили. На рынке была драка: скины, он был одним из них, отмечали очередной день рождения Гитлера, тогда погибло очень много кавказцев, а посадили только Позднякова, вроде у него на гриндерсах нашли кровь одного из убитых. Но разве можно точно определить, кто именно добил, били же все. Эту драку по телевизору показывали в новостях. Всякие программы были, в которых все выясняли, кто прав и кто виноват. А через неделю другую замолчали или забыли.

Шарф был длинный и очень теплый. Ребята обычно носили его под куртку «бомбер» (короткая черная мужская куртка с яркой оранжевой изнанкой) – так носил и он.

Женя вышел из лифта.

– Ну, вот теперь тебе пешком придется!

(У нас в доме лифт не вызывается с того этажа, на котором стоит).

– Ничего, не привыкать.

Он помог мне снять шарф. И был так близко, что у меня бешено колотилось сердце. От него пахло сигаретами и чем-то знакомым. Больше всего я боялась, что он меня поцелует и узнает, что я не умею целоваться. Я думала тогда все будет испорчено, и я стану ему неинтересна.

– Ну, мне пора.

– Угу.

Я кинулась к двери и нажала на звонок.

– Пока.

Лешка (мой брат) открыл мне, а Женя все стоял в задумчивости.

Кое-как раздевшись, я кинулась к телефону. Набрала номер Лизы (это моя лучшая подруга. Мы дружим с пятого класса. Только ей я могу рассказать все). После двух гудков в трубке раздался ее сонный голос:

– Да.

– Это я.

– Знаю. Что стряслось?

– Ты ни за что не догадаешься.

– Что Янка с Юриком разбежались опять?

– Нет.

– Ну, тогда, наверное, Тимофеева замутила с Веталем?

(Веталь предложил Тимофеевой встречаться, она сказала,

что подумает и через две недели даст ответ. Завела блокнот, который носила с собой и записывала в него все плюсы и минусы. Если к концу двух недель плюсов будет больше, чем минусов, тогда она согласится. Веталь уже чего только не делал, и цветы дарил, и провожал, и даже делал вид, что бросил курить. И мы все ждали, когда Тимофеева сдастся. Прибавляли Веталю плюсы и всячески ее уговаривали. Всех это веселило. Но она стойко держалась.)

– Да, нет же.

– Ты согласилась встречаться с Олегом?

– Ты мелко мыслишь. Я с Женькой танцевала, и он меня проводил! – торжествующе заявила я.

– Какой еще Женька?

– Какой – какой, как будто у нас их вагон и маленькая тележка! Ну, из моего дома! Из Илюхиной компании! Ты уже спишь, что ли?!

– Быть не может?! – оживилась Лиза.

– Очень даже может!

– Хм, а Ольга?!

– А что Ольга?! Он с ней больше не встречается. Она нас видела.

– Может, это прикол какой-то? Что-то я не догоняю! С чего вдруг?!

Мы еще долго разговаривали. Лиза советовала быть осторожней и не верить во все это. Вследствие чего, в школу я пришла совершенно не выспавшейся. Благо мы сидели на

последней парте, и я уже почти спала, когда мне в ладошку положили свернутый кусочек бумаги. Это Тимофеева передала мне записку через Загорского, она сидела на соседнем ряду, но не с моей стороны.

«Что у тебя с Женькой? Он же с Ольгой встречается! Что вчера было?».

Пытаясь разлепить глаза, калякаю:

«Да, ничего. Просто потанцевали – проводил! А что? При чем тут Ольга? Они же разошлись!».

Тимофеева задумчиво что-то пишет в ответ и отдает записку. Загорский, видимо, почуяв, что там что-то интересное, берет себе и начинает разворачивать. Я хватаю его за руку:

– Отдай!

– Не отдам! – сладостно улыбается он.

Я изо всех сил стараюсь разжать его кулак и вытащить записку. Не получается.

– Дурак! Отдай сейчас же!

Мы боремся под партой. На нашу возню поворачивается впредисидящая Юрцева:

– Чего это вы там делаете?

Мы хихикаем. Она злится. Ей давно нравится Загорский. Безответно.

Тут все это замечает и Елена Сергеевна (наша классная, учительница английского языка):

– Таня, выйди! Немедленно!

Вот, всегда так. Вопиющая несправедливость. Винават Загорский, а выгоняют меня. Я выдергиваю у него остатки изорванной бумаги и выхожу. Выкидываю их, прочитать уже все равно ничего не возможно.

Иду в женский туалет, он совсем рядом с классом английского на третьем этаже, именно здесь с утра мы переписываем домашку, здесь же обсуждаем жизненно-важные вопросы, скрываемся от учителей и прочее.

На подоконнике сидела Ольга, рядом стояли две ее подружки, Надя и Ира.

– Смотрите, кто пришел! А мы как раз тебя вспоминали! – громко сказала Ольга.

– Вспомнишь, вот и оно! – подхватила Надька.

Они засмеялись.

– Да, пошли вы! – со злостью ответила я.

– Ты кого это тут посылаешь, шалава!? – Надя прижала меня к стене, выложенной холодной плиткой.

Прозвенел звонок.

– Не здесь! – Ольга отодвинула Надю. – В субботу на дискотеке разберемся. Будешь знать, как с чужими пацанами танцевать! Я тебе устрою! Весь Техас соберу!

Они пошли к выходу.

– Только попробуй не прийти! Хуже будет! Я тебя все равно достану! – сказала Надя уже в дверях.

Лиза как раз столкнулась с ними, она взяла мои вещи из класса:

– Ну, что, доигралась! Говорила же я тебе! Стрелу заби-
ли? – она взволновано смотрела на меня.

– Да. Послезавтра в Индиане.

– И че делать будем?

– Ничего, пойдем, что же еще!

– С ума сошла, она старше и сильнее раз в сто! К тому же
она с собой приведет всех своих! А ты? Все же будут за нее
стопудняк! – она почти кричала.

– Весь одиннадцатый, из десятого где-то пятеро, с новых
Мытищ девки, плюс все старшие! – Лиза принялась считать,
сколько народу приведет Ольга. – Даже наши будут за нее,
потому что она по – любому права. Ты танцевала с ее парнем.
Поражаюсь просто, че ты молчишь?

– Он не ее парень!

– Это он тебе сказал?

– Нет!

– Тогда с чего ты взяла?

– Знаю! – На самом деле не знаю, зачем я это брякнула.

– Может, они поссорились, и он решил ей отомстить, или
еще что-нибудь...

– Нет! – Я продолжила отковыривать белую плитку с над-
писью: «Я люблю тебя Стас!».

– Откуда такая уверенность! Кошмар какой-то!

В этот момент пришла Тимофеева.

– Что? – глядя на наши кислые лица, спросила она.

– Ольга забила ей стрелу!

– П...ц! – только и сказала Тимофеева.

* * *

Мы пришли к самому началу. Почти никого не было. Ли-за шутила на тему завещания, Юлька и Анька переглядывались. Неожиданный состав. Янка, которая считалась моей подругой, сказала, что я сама виновата и не фига с чужими пацанами танцевать. Еще была надежда на старших девчонок, из моего дома, мы ждали их за столиками около бара.

Когда они наконец появились, то тут же стали учить меня драться:

– Хватай ее за волосы и бей об стенку! Тут самое главное – быстро! Она наверняка будет ногами – так что старайся увернуться, а иначе кабздец!

– Это бред из-за парня драться! – скорчилась Катька.

– Да не из-за парня! Они на нее первые наехали. А Танюха тут ваще ни при чем! Это же он ее пригласил. Вот Ольга и бесится.

– А они разве не разбежались? Надька мне говорила – с концами. Типа, он ее бросил. Она вены себе пыталась порезать.

– Эта Ольга такая дура. А строит из себя «не плюньте рядом». Давно пора ей морду набить.

Подошла Надька и сказала, что через пять минут они нас ждут в женском туалете.

– Скоко их? – спросила Олеся.

– Хрен знает, ща пойдём посмотрим! – демонстративно разжевывая жвачку, ответила Юлька.

– Не ссы, прорвемся!

Когда мы зашли, там уже было много девчонок, и мы с трудом протиснулись между ними в маленькое пространство. Все притихли. Ольга стояла в центре, презрительно глядя на меня:

– Ну, че испугалась?

Если честно, то да. И больше всего я боялась, что она меня изуродует, все остальное, пожалуй, было не так уж и страшно. До этого я никогда не дралась с девчонками, только с братом, да и то скорее в шутку.

– Кого? Тебя что ли? Не смейся меня! – изо всех сил, стараясь изобразить бесстрашие, сказала я.

– Значит, не боишься! – усмехнулась она. – Тогда давай один на один, на фигу девок притащила!?

– Давай! – не подумав, ответила я.

Девчонки с ужасом и недоумением посмотрели на меня и вышли. Мы остались с ней вдвоем, с другой стороны стояла Надя и держала дверь.

– Какого х..., ты с моим парнем танцевала?! – закричала она и подошла ко мне вплотную.

Ее глаза, горели какой-то несказанной ненавистью. Она схватила меня за руки, вонзив длинные ногти в кожу.

– Ни хрена он не твой парень, так что не твое дело! –

огрызнулась я.

Она резко оттолкнула меня к стенке. Я ударилась головой об полуразбитое зеркало, висевшее над раковиной. Ольга снова подошла ко мне, попыталась ухватить за волосы, я успела удержать ее руки. Она была явно сильнее.

Я терпеть не могу, когда бьют по ногам, но если бы я не ударила, она окунула бы меня головой в раковину, многих девчонок уже били здесь об нее, от этого она треснула. Говорили даже, что одну девушку ударили головой о край, и она умерла. Ольга отпрянула, а затем тоже начала бить ногами, я пыталась увернуться. Ей удалось схватить меня за волосы. Я ударила её в грудь, она достала нож и прислонила к моему лицу:

– Я тебе всю рожу расцарапаю!

И мне стало страшно по-настоящему, внутри все похолодело.

В этот момент вошла Наташка Кострова.

– Какого хрена ты здесь делаешь! – Оля повернулась к ней.

– Не трогай ее! – Наташка, стояла и невозмутимо, скорее даже равнодушно смотрела. У нее были длинные светлые волосы до пояса, которые она носила распущенными, так что они окутывали ее и скрывали худошавую фигуру; азиатский разрез глаз сочетался с мелкими едва заметными веснушками.

– Без тебя как-нибудь разберемся! Нам защитников здесь

не надо! У нас все чин чинарем, по-честному! Один на один.

– Ты че, оглохла, что ли! Руки убери, не трогай ее! Тронешь ее – будешь иметь дело со мной! У тебя совсем крыша поехала?! Хочешь проблемы, я тебе их организую! – Наташка отодвинула Ольгу, взяла меня за руку и провела к двери вперед себя.

– С ума сойти, ты за эту тварь заступаешься? – усмехнулась Ольга.

Мы вышли, около входа толпились девчонки, они смотрели на нас и перешептывались, почти никто не танцевал. Я отряхнула джинсы – на ногах уже чувствовались синяки.

– Спасибо! Никогда бы не подумала, что ты будешь за меня!

Хотя мы и жили в одном доме, но как-то не особенно дружили. Она меня недолюбливала из-за того, что отец привозил мне много красивых дорогих игрушек. Когда мне было года четыре, папа привез мне из Швеции серого ослика с розовыми ушами. Он мне очень нравился, я даже не засыпала без него. И вот однажды она зашла за мной и позвала гулять. Ослика я взяла с собой. Она посадила его на качели и стала качать. На улице было ужасно грязно и слякотно. Я боялась, что он упадет, и просила ее не качать. Она сказала, подумаешь, ну и что. И он упал в самую грязь, и сколько бы мы с мамой не пытались его отстирать – бесполезно. Я тогда безумно расстроилась, плакала целый день.

У Наташки никогда не было отца и игрушек тоже. Они жи-

ли очень бедно, донашивали одежду друг за другом, их было трое в семье – все девчонки. Мать как могла, поднимала их – работала целыми днями. Но все новое доставалось старшей – Марине, да еще и Ильинский, который очень нравился Наташке стал встречаться с Маринкой. За это она ненавидела ее лютой ненавистью.

– А я и не за тебя! Я это сделала только ради Коли, так что ему говори спасибо! – Она довела меня до столика, где сидел Коля.

Он повернулся к нам:

– Спасибо.

– Вот еще! – фыркнула Наташка и ушла. Она сказала моим девчонкам, чтобы они ко мне пока не подходили, и они ее послушались.

Коля взял меня за плечи и усадил рядом. Мне совсем не хотелось разговаривать, тем более с ним. Было как-то стыдно и неприятно. Всё казалось нелепым. Коля достал из кармана платок, смочил его в рюмке с водкой и стал аккуратно смазывать ссадины, которые остались на моих руках от Ольгиных ногтей.

– Щиплет! – нахмурилась я.

Он подул на царапину.

– Не надо! – я попыталась выдернуть руку.

– Потерпи – до свадьбы заживет! Зачем ты стала с ними драться, не соображаешь совсем!

– Затем! – разозлилась я, вскочила и побежала к выходу.

Еще нравоучений мне только не хватало! Почему-то он меня раздражал своей заботой, к тому же настроения совсем не было.

Он догнал меня на выходе:

– Ну, прости, не обижайся! Я просто думаю, глупо это все, когда девчонки дерутся. Зачем? Ерунда какая-то.

Я рассержено посмотрела на него.

– Подожди – вещи возьму! – Он вытащил, зажатый в ладошке номерок, и пошел к раздевалке.

Коля проводил меня до самой квартиры.

– Пока! – сказала я.

А он стоял и как-то виновато смотрел на меня. Я молча ушла.

На следующий день около двенадцати, кто-то робко нажал на звонок. Я подумала, что это мама вернулась из магазина и открыла в чем была, то есть в старых рваных джинсах и рубашке брата. На пороге стоял Женя и улыбался:

– Привет!

– Ага! – только и ответила обалдевшая я.

– Выйди – поговорим!

Я покорно вышла, стыдливо прикрывая рваные джинсы.

– Я тут это. Хотел тебе сказать, извини вобщем! Мне Колян про вчерашнее рассказал... – он замялся.

– А! – в полушоке, говорю я. – Да, ничего! Нормально все!

– По-дурачки вышло... Понимаешь, просто Ольга, она ...

– Нет, не надо! Не говори ничего! Забыли! – перебила его

я. Мне ужасно не хотелось говорить с ним об этом.

– Да, хорошо! Я понимаю все! Просто, мы с ней расстались, и она хочет все вернуть назад! Психует из-за этого! Это пройдет!

– Ты только поэтому пришел?

– Нет! Я спросить хотел, ты пойдешь на дискотеку?

– Да, нет, наверное, мне вчерашнего хватило! – улыбаюсь

я. – А что?

– Не, ничего! Я так просто спросил, думал, может, с нами пойдешь?!

Удивленно смотрю на него, этого я не ожидала. Даже досадно стало, что отказалась.

– Ладно, пока тогда. Увидимся, – он вызвал лифт и уехал.

Я не видела его целую неделю. Стояли сильные морозы. В воскресенье я возвращалась от бабушки. Она живет в Королёве, это совсем недалеко от Мытищ, следующая станция по железке или двадцать минут на автобусе, или тридцать пешком. Я забрала у нее чистое белье. У нас тогда не было стиральной машины, а у бабушки была, и мы иногда возили к ней постельное белье. Я прождала электричку минут сорок, попала в перерыв. Промерзла до костей, ноги не слушались, руки не шевелились, да еще ручка от пакета с бельем предательски врезалась через тонкие перчатки прямо в ладонь, из глаз текли слезы, а волосы от дыхания стали белыми. В электричке согреться я не успела, она шла минут пять, даже не семь. Поэтому, когда я вышла на третьей платформе в Мы-

тищах и перешла через мост – ооченела еще сильнее. Женя шел мне навстречу со стороны Химволокна в расстегнутой куртке со свисавшим шарфом, за ним шли ребята с магнитофоном, из которого орала Metallica. Они обогнули памятник Ленину, который почему-то стоит лицом к заводу и спиной к вокзалу, вокруг него растут высокие ели, а по периметру – низкая ограда.

– О, привет! Ты откуда тут? – Он увидел меня и остановился, остальные начали подниматься на мост.

– Из электрички! – еле-еле разжав смерзшиеся губы, ответила я.

– Хорошо, что я тя встретил! Поговорить с тобой хотел! – выдыхая пар изо рта, сказал он.

– Женька, блин! Че ты там застрял?! Электричка идет! – заорал Сашка с моста.

– Ща, иду! – отмахнулся он. – Ты будешь со мной встречаться?

От смущения у меня еще сильнее запылали щеки и потекли слезы, говорить я не могла совершенно, только смотрела на него, вытаращив глаза.

– Тебе холодно? – Он стал снимать с себя куртку.

– Нет! – я замотала головой, останавливая его.

– Я тут уезжаю где-то на месяц, сессию надо сдать. Так что ты подумай, хорошо!?

– Угу! – растерянно киваю.

– Женька!!! – еще громче заорали ребята с платформы.

– Всё, извини, пора бежать! Но ты подумай! Слышишь, подумай! – последнюю фразу он крикнул уже с моста.

На деревянных ногах я влезла в автобус, наскребла по карманам мелочь. Раньше у нас в городе были бесплатные автобусы, правда, и народу было больше, так что вылезти на своей остановке почти нереально, вот так мы и катались от станции до Леонидовки. Это район, следующий за Техасом, границей между ними является «китайская стена» (это самый длинный дом в Техасе, поэтому его так и прозвали).

Вечером Лиза убеждала меня, что это очередная подстава, что так не бывает. И я почти с ней согласилась. А на следующий день, когда я пришла домой, столкнулась с матерью и отчимом, они были пьяные. Мы поругались, он ударил меня, наверное, это громко сказано, шлепнул, но для меня это был кошмар, меня ведь раньше в семье никто и никогда не бил. Я пошла к Лешке в комнату, вцепилась в него и громко зарыдала. Потом был большой скандал, и даже драка. К вечеру поутихло. Мы сидели вдвоем с братом в его комнате, обнявшись. По первому каналу тогда шел «Терминатор», Леша его записывал. Мы решили, что уйдем жить к бабушке. И может быть, все и успокоилось бы, но снова пришел он и, не слова не говоря, забрал у нас телевизор. Скандал разгорелся с новой силой, они опять подрались, кто-то вызвал милицию. Парень в форме о чем-то меня расспрашивал, я не понимала его, и говорить отчего-то могла с трудом, только кивала или мотала головой.

Их забрали в участок, я осталась плакать у себя в комнате. Закрыла глаза и, даже не знаю как, заснула. Обычно я плохо засыпаю, тем более одна в квартире я боюсь. Но это было не так, как всегда, будто меня кто-то убаюкивал. Сон это был или явь – даже сейчас не могу сказать точно. Я лежала в большой колыбели, ее кто-то слегка раскачивал. Вокруг все было покрыто дивным светом и музыка необыкновенная, тихая, но очень мелодичная. Рядом стояли, как их правильно назвать, думаю это были ангелы, и золотое свечение исходило от них. А еще необъяснимое, непередаваемое, несказанное чувство счастья, покоя, умиротворенности и доброты. Они словно утопали в этом волшебном свете, и только очертания их лиц были четко видны. Среди них был Он, я узнала его, я видела его в церкви на Кресте и на прабабкиных иконах. Он улыбнулся мне, теплой и ласковой улыбкой.

Дверь открыли ключом, я проснулась и больше в ту ночь уже не спала. Брат переехал к бабушке, а я осталась. Мне кажется, я его тогда потеряла. Мы редко видимся, еще реже разговариваем. Мы встали по разные стороны баррикад и стали пушечным мясом в войне наших родителей.

* * *

Домой идти теперь совсем не хотелось, поэтому я шаталась по подругам и разным компаниям. Однажды мы зашли в квартиру к Мишке. Такого я не видела никогда, как буд-

то после урагана, вещи в хаотичном порядке разбросаны по квартире, мебели почти нет, на полу матрас и старенький телевизор, на кухне электрическая плитка и грязный, уставленный пустыми банками стол. Я конечно, знала, что его мама пьет, но такого точно не представляла. Он жил с матерью и сестрой, Юлькой. Мы с ней как-то незаметно подружились. Стали гулять вместе, она перезнакомила меня почти со всем Техасом. К тому же на улице стало теплеть, приближалась весна и каникулы. Я зашла к ней как-то днем после школы, и она торжественно сообщила мне, что влюбилась.

– В кого?

Она загадочно улыбнулась:

– В Козаковых!

– Что, сразу в двоих?

– Да нет в одного, но второй тоже ничего!

– У одного из них есть девушка, только не знаю у какого! – нехстати вспомнила я.

– Сейчас узнаем! – обрадовалась Юля.

Она взяла телефон и набрала на нем какой-то номер.

Я горько вздохнула, недавняя ее любовь к Киму еще не зажила. После того, как он не ответил ей взаимностью, а вернее, послал, она вырезала его имя лезвием у себя на руке.

Сашка Казаков видимо оказался вежливее Кима и после взаимного хихиканья и болтовни по телефону, даже пригласил ее, то есть нас, к Филе.

– Мы сейчас прям пойдем? – спросила я.

– Ага! Только мне надо отдать кое-что! – она достала из-под ванной небольшой белый сверток. В нем был «план».

– Ты спятила?! – я встревожено посмотрела на нее.

– Понимаешь, я бы не стала, просто деньги нужны! Не боись, я мигом! В подъезде меня подождешь!

Я прождала ее около двух часов, и пошла к Филе, он жил в этом же доме только в другом подъезде. Подумала – вдруг она там. Но ее там не оказалось. Дверь мне открыл Ким.

– О, хорошо, что пришла, а то у нас тут скучно! – он силой втащил меня вовнутрь и захлопнул дверь.

Я испуганно отшатнулась к стенке.

– Кто там? – из-за двери выглянул Коля.

Увидел меня и обрадовался, сказал, что искал меня по все знакомым, спрашивал, куда я пропала, домой ко мне сто раз заходил. Я не знала, что ему на все это ответить. Рассказать про то, что произошло дома? С чего вдруг? Да и какое ему до меня дело? Он все равно бы не понял, а я не смогла бы сказать, наверное, никому, даже Лизе. Поэтому я решила просто уйти. Но Коля меня остановил:

– Остайся! Посиди вместе с нами, клёвыми пацанами! Я тебя провожу потом, а то, как ты щас одна пойдешь, темно уже! – рассудил Коля, видимо слегка «поддатый».

И я согласилась. В квартире было две комнаты. В одной горел торшер, играла музыка, из прикрытой двери доносился визг и хихиканье, кто-то танцевал. В другой – за накрытым столом сидел Сёма и играл на гитаре, Филя, Сашка и

Сергея подпевали ему:

«Туманный вечер на город опустился.
Погасли свечи, и дело шито-крыто.
Укутав плечи, гуляют синьорины.
В магнитофоне кассета Челентано.
А мы на сломе, и снова пьяно, пьяно.
Давайте деньги, очки, штаны, бокалы.
В кармане кэмэл и три пакета плана.
Где беломора достать? Закрыты уже магазины.
Где беломора достать? Хоть пачки половину.
Где беломора достать? Ну, подскажите сеньоры.
А не то я напьюсь.
Повсюду панки в американском свете.
А мы не янки, мы плановые дети.
Мы любим фанту, варенье и конфеты,
И на Таганку мы не берем билеты.
Предпочитаем вино и дискотеки,
И уважаем страну, где жили греки.
Но забиваем косую для утехи,
И так бывает, что с нами плана нету...».

Сёма раньше пел романтические баллады, особенно трогательно у него получалась «Снежная королева»:

«Ты такая нежная королева снежная,
распустила волосы, да не слышно голоса...».

А потом у него сломался голос. Как-то он вышел во двор

и забасил:

«Эх, вы кони, мои кони...».

Коля положил мне еду на тарелку, налил сок и вино. Я хотела отказаться, но потом подумала, что надо на всякий случай поесть, мало ли что творится дома. Мне в тот момент было тоскливо, все казалось каким-то бессмысленным и не нужным. Хотелось куда-нибудь исчезнуть, провалиться под землю, и чтобы все оставили в покое.

Мы потанцевали немного.

– Я наверно, пойду уже.

– Еще же рано! – запротестовал Коля. – Вон, токо восемь! – он указал на часы.

– Мне еще уроки делать! – неожиданно соврала я. По правде говоря, в школе я скатилась до троек. С гуманитарными дисциплинами еще кое-как, а физику и математику решала Лиза. Мне было наплевать.

Коля вздохнул, и пошел меня провожать. Он в тот вечер много всего говорил. А я почти не слушала. Я так жалею теперь, что не слушала его тогда. Ведь он говорил что-то важное, что-то хотел объяснить. Рассказывал даже про детдом, про родителей, что он совсем их не помнит. Я в тот момент подумала, лучше бы и мне не помнить. Можно было бы придумать их в своем воображении, придумать самыми замечательными на свете, самыми добрыми, и верить, что они та-

кие и есть.

Он учил меня свистеть, а у меня все никак не получалось. Выходило только какое-то сдавленное шипение. Мы долго стояли в подъезде. Он говорил тогда, что хочет стать врачом, чтобы вылечить всех людей, чтобы никто не болел. А я с дуру спросила его, не знает ли он, когда приедет Женя. Он загрустил, сказал, что не знает, и ушел.

На следующий день я пошла к Юльке. Из квартиры доносился запах гари и вылетали клубы дыма. Дверь была открыта, на кухне сидели наши мальчишки. Они учились со мной в одном классе, редко ходили в школу и были двоечниками. Их родителей все время вызывали. Они, когда были трезвыми, что случалось редко, вспоминали, что у них есть дети, кричали и били их за двойки. Некоторых даже избивали ремнем, после чего те убегали из дома. Учителя срывались на них, а они, будто бы назло, начинали вести себя еще хуже. Еле-еле их перетаскивали из класса в класс, но окончить школу они так и не смогли.

– Что вы тут делаете? – спросила я, отмахиваясь от дыма.

– Блины жарим! – обрадовался Мишка, Юлькин брат. – Хочешь? – Он протянул мне тарелку с черными, сгоревшими, кругами, смутно напоминавшими блины.

– Нет, спасибо! – я пошла в комнату, в надежде найти Юльку.

В комнате на матрасе сидел Петрухин. У него то сужались, то расширялись зрачки, казалось, он задыхается. Опять на-

дышался клеем. Взрослые ребята говорили, что он смешной, когда нанохается, с раковиной целуется и всякие номера откальывает. И нарочно давали ему нюхать, чтобы повеселиться. А потом сам пристрастился. Дома он почти не жил, боялся матери, она его сильно била.

Олег резко повалил меня на матрас. Попытался расстегнуть ремень у меня на юбке, но тот никак не поддавался. А я выбивалась.

– Чего ты дергаешься, ты же моя девушка! – прохрипел он.

– Нет. У меня парень есть! – заорала я, пытаюсь выбиться из его стальных объятий.

– Кто? Кто он? – у него был такой детский взгляд. Удивительные большие глаза небесного цвета.

– Женька! – крикнула я.

– Женька? Не гуляй с ним, не надо! – испугался он.

– А тебе-то что? Ревнуешь, что ли? – разозлилась я.

Петрухин мотнул головой. Он ослабил хватку, я вырвалась и побежала в ванную. Села и заплакала. Мишка зашел, виновато глядя на меня.

– Зеркало! Принеси мне зеркало! – захлебываясь слезами, потребовала я.

Он притащил небольшой осколок. Не знаю, уж откуда он его взял. Волосы взъерошены, из губы течет кровь, поранилась об часы, уворачиваясь от поцелуев Петрухина. Умылась, расчесалась и спросила Мишку про Юльку. Он пожал

плечами. Стало понятно, что он ничего не знает. В дверях я встретила Долгополова, еще один мой одноклассник, с Бертой, это его собака породы ротвейлер. Они пошли меня провожать.

Долгополов всегда был умным, и отличался от двоечников тем, что учился. Правда, только, когда приходил в школу. Он много читал. В пятом классе сразил нашу учительницу тем, что прочитал всего Яна. Я в то время даже не знала, кто это. Его считали способным, но учиться он не мог. Ему приходилось сидеть с младшей сестрой. Родители были заняты бизнесом. Они торговали проститутками. Нанимали молдаванок, хохлушек и прочих. Снимали им квартиру. Мы как-то ходили туда с Юлькой, она дружила с одной из девочек. Я тогда не поняла, кто она. У нее было странное имя то ли Лина, то ли Лима – не помню. Очень грубая, и как будто злая на весь мир.

Но всем этим в основном занималась его мать, а отец пил. Часто вместе с моей матерью, иногда они пили все вместе. Именно к ним я ходила тогда одна в пять лет.

Долгополов знал, где Юлька. Но не сказал мне. Может, всё еще злился, что из-за меня не состоялась его карьера флаерщика (флаер – это такой кусочек картона с картинками и надписями, который при входе в клуб позволяет платить за вход по льготному тарифу. В Индиане Джонс вход с флаером стоил двадцать рублей, без – тридцать пять.) Чтобы стать флаерщиком нужно было, чтобы по твоим флаерам прошло

определенное количество людей. У каждого флаерщика был свой личный ник и подпись. Так вот Долгополову не хватило одного флаера, который он отдал мне, а я по нему не прошла. Флаер этот сохранился, дома лежит, на память. А Долгополов до сих пор припоминает, вот, мол, все из-за тебя.

Юлька вернулась на следующий день вечером с фингалом под глазом и разбитой губой. Она ничего мне не сказала, просто тихо закрылась в ванной. Всё было и так ясно.

Два дня я сидела дома. Ругалась с мамой. Она кричала, что я целыми днями шляюсь черте где, ничего не делаю, поздно прихожу и прочее. С ней такое случается. Она может не замечать меня неделями, а потом, вспомнив, что я есть, кидается меня обнимать. Или вдруг ни с того ни с сего спрашивает, как дела в школе, хотя никогда этим не интересовалась. Меня это ужасно пугало. Я же потом чувствовала себя виноватой. А она говорила, что я сама ничего ей не рассказываю и не хочу с ней играть. Дескать, такой самостоятельный ребенок. Я уже с этим смирилась, но зачем тогда делать мне лишний раз больно.

Вот, и на этот раз то же самое, очередной приступ заботы. Я закрылась у себя в комнате и слушала музыку. Месяц назад мой брат купил музыкальный центр, он очень долго на него копил. До этого у нас был только магнитофон, который папа привез из Германии лет десять назад. Его столько раз швыряли, что кассетные дверцы полностью вылетели, а он все работал. Скажу больше – работает и теперь.

Когда я не могла заснуть, Лешка принес мне в комнату новенький музыкальный центр. Я слушала радио всю ночь, думала, он его заберет утром. А он не забрал, сказал, что купит себе еще. Я не поверила, Лешка так мечтал о нем, а тут вдруг просто отдал мне. Центр остался, а брата нет.

* * *

Женя появился, когда я уже его не ждала.

– Твой ответ понимать, как нет? – сердито спросил он прямо с порога.

– В смысле? Какой ответ? – не понимая, переспросила я.

– Я слышал, ты тут с Колей!?

– Что с Колей?

– ... танцуешь.

Я изумленно посмотрела на него.

– Танцуй дальше! – он развернулся и хотел уйти.

– Подожди! – я взяла его за руку. – Причем тут Коля?

– Тебе виднее!

– Бред какой-то! Ты чего?!

– Говорят, что ты с ним гуляешь!

Я засмеялась:

– Больше ничего не говорят? Это же ерунда!

Он смотрел на меня, прищурился глазами.

– Не встречаюсь я ни с каким Колей! Вас подло обманули!

– Правда? – все еще недоверчиво, но уже с улыбкой, пе-

респросил он.

– Да, правда – правда. Кто тебе сказал такую глупость?

– Неважно. Проехали.

Женя засмеялся.

– Как твоя сессия?

– Отлично! Лучше всех!

Поднимаюсь чуть выше по лестнице, Женя идет за мной. Я прислоняюсь к зеленой стене, на которой черным маркером красуется надпись: «Таня + Олег = любовь».

– Кто это писал? Любовь пишется через ю! – замечает Женька.

– Да, это Олег Петрухин!

– Парень твой?

– Да, нет! Ты что?! – смеюсь я.

– Так ты подумала? – вспоминает он.

– Да! – говорю я, стараясь не смотреть ему в глаза, разглядываю надписи на стене.

– Что да? – он поворачивает меня лицом к себе и прижимает к стене.

– Ну, да! Я согласна! – приходится смотреть ему в глаза.

– На что согласна? – нарочно издевается, видит, что я стесняюсь.

– Ну, быть твоей девушкой! – говорю я и опускаю глаза.

Он смеется, но как-то по-доброму. Подхватывает меня на руки и несет вниз.

– Гулять пойдем?

– Сейчас? – спрашиваю я.

– Не, мне надо вещи разобрать. Приходи через часок ко мне, предки всё равно в Москве. А там решим.

Я киваю в ответ. Он ставит меня на пол.

– Всё, тогда жду тебя. – Женька поднимается по лестнице.

Я вбегаю в квартиру, не зная куда деться. Переворачиваю весь шкаф вверх дном. В итоге надеваю топик и джинсы клеш. В это время как раз вернулась мода семидесятых: клешеные брюки, свитера и водолазки с фактурой «лапша», ботинки на платформе и прочее. Джинсы я выпросила у папы, для этого мне пришлось целый час решать математику.

Накрасилась маминой косметикой. Она разрешала мне краситься, а бабушка нет. Поэтому, когда я жила с бабушкой на даче, после дискотеки приходилось незаметно всё стирать листьями в лесу.

В тот раз я переборщила, и, в конце концов, все смыла. Я не любила краситься, чувствовала себя как-то неестественно, как кукла. Ни лишних движений, ни эмоций – приходится следить, чтоб не размазалось, не растеклось.

Через час я стояла около его квартиры, и у меня предательски тряслись руки. Он открыл мне дверь почти нагишом. Я покраснела и отвернулась. Это был шок. Я никогда не видела голых мужчин, разве что нарисованных в книжке. Но чтоб так...

– Я тут стираю! Ты заходи, не стесняйся! – весело сказал он.

В замешательстве я все также стояла, не двигаясь с места, стараясь не смотреть на него. Он это заметил.

– Да, ладно, не бойсь. Я оденусь сейчас!

Робко сделала пару шагов вовнутрь квартиры. Длинный коридор, в антресоли вбит турник, две комнаты по бокам – закрыты, в третий видно кусок дивана и паркет, кухня слева.

– Проходи на кухню, садись! Я щас! – он скрылся в ванной.

Кухня из дерева, уголок из коричневой кожи, подоконник весь в цветах, на плите что-то варится. Я села на табуретку и стала рассматривать рисунок на бежевой плитке. Вскоре появился он в черных джинсах и светлой рубашке на распашку.

– Ты чего меня стесняешься? Ты же теперь моя девушка!

– Я просто никогда... понимаешь...

– Что, серьезно – никогда? – он удивленно посмотрел на меня.

Я мотаю головой.

– Н-да! Сюрприз!

– Вот, дура! – подумала тогда я. – Могла бы и притвориться! Зачем я ему нужна такая? Всё, теперь он точно не будет со мной встречаться!

– Есть будешь?

– Не, я ела дома, спасибо!

– Слушай, брось, стесняться! Ешь давай! – он положил мне в тарелку три большие картофелины, на них сверху расплавленные кусочки сыра. – Фирменное блюдо картошка с

сыром. Больше все равно ничего нет, а в магазин идти лень.

Мы стали молча жевать.

– Ну, че, куда пойдём? – вдруг спросил он.

Я пожала плечами.

В этот вечер мы пошли на дискотеку с его компанией. Было весело, ребята шутили. Один Колька был какой-то грустный, долго о чем-то разговаривал с Женей, а потом и вовсе ушел, не прощаясь.

Мы протанцевали все медляки вместе. Он проводил меня до квартиры и спросил можно ли меня поцеловать.

– Нет!

– Почему?

– Я не умею! – честно призналась я и подумала, что это конец.

– Хочешь, научу! – обрадовался он.

Я кивнула.

– Рот расслабь и приоткрой! – поучительно сказал Женя.

Я широко открыла рот и закрыла глаза.

Женя захихикал.

– Ну, что не так? – обиделась я.

Он поцеловал меня по-настоящему, по-взрослому. Но в начале мне показалось, что он слишком далеко залез языком. Нелепое ощущение: чужой язык во рту. Это случилось совсем не так, как я представляла.

Женя всегда целовался безумно нежно: наклонялся ко

мне, дотрагивался рукой до шеи, тихонько приподнимал голову и жадно, будто пытаюсь проглотить, целовал меня. А потом скользил руками вниз по спине, и когда доходил до талии, то резко прижимал меня к себе. Легкая дрожь пробежала по всему телу, и я не помнила себя. Мы могли целоваться часами, ничего не замечая, не чувствуя, ни обветренных губ, ни времени, которое летело с бешеной скоростью, мелькая цифрами в календаре. Он поднимал меня на руки и кружил по всей комнате, а у меня кружилась голова.

* * *

Я рассказала ему о себе почти всё. Он рассказал, что учится на юридическом факультете в МГУ на заочном. У него была золотая медаль в школе. Он всегда хорошо учился. Говорил, что хочет заработать много денег, открыть свою фирму, купить машину. А я спорила, разве деньги так важны? Женя считал, что в нашем мире без денег не выживешь. Мы тогда болтали ночи напролет.

Его родители получили квартиру в Москве и переехали туда, а эту оставили Женьке. О них он рассказывал мне совсем мало. Его отец, Анатолий Сергеевич, военный, поэтому они все время переезжали из города в город. Женя родился в Тольятти, когда ему было года три, Анатолия Сергеевича перевели в управление и они переехали в Мытищи, здесь жила его мама, Женина бабушка. Здесь же через десять лет

родилась его сестра Люда. Я ее частенько видела во дворе, она дралась с мальчишками и была жутко вредной девчонкой. Его мама как-то приезжала, для своих лет она очень хорошо выглядела. Я приняла ее за девушку, и Женьке долго пришлось доказывать мне, что это его мама. Когда она увидела меня, сказала, что это черте что, впрочем, по ее словам, это соответствовало его кругу общения. Она кричала, что не за этим его вырастила и все в том же духе. Она всю жизнь очень громко кричала по поводу и без, меня всегда удивляло, как Женя может сидеть и спокойно слушать, не обращая внимания. Когда она приезжала, он готовил ей еду, мыл посуду и убирался. Я спросила, почему он всегда всё сам делает, почему его мама ничего не делает.

– А, у мамы маникюр! – вот и всё, что он мне ответил.

Он встречал меня из школы. Мы очень сблизились. Если у меня что-либо случалось, я бежала к нему. Он стал для меня убежищем от ада, что творился дома, ему я была нужна, его интересовали мои проблемы. Я почти перестала замечать окружающий мир, было все равно, что там творится. Он был очень ласков со мной. Я считала его самым близким и самым родным. Только он меня понимал. У нас даже сердца бились одинаково. Я писала у себя в дневнике, что люблю его безумно. В действительности, я тогда даже не знала, что такое любовь. Впрочем, и сейчас не возьмусь сказать точно. В то время мне легко давалось это слово, а когда на самом деле поняла, что люблю – стало сложно.

Мы совсем не ссорились, не было повода. Он дарил мне цветы и подарки. Устраивал всякие сюрпризы.

Однажды днем, когда я мыла окна у себя в комнате. Он крикнул с улицы:

– Выйди на балкон!

– Зачем?

– Ну, выйди, увидишь!

Я вышла. Он отпустил красный шарик – сердечко, к которому был привязан плюшевый белый мишка, и сказал:

– Это тебе! Лови!

Я едва успела его схватить:

– А если бы я не поймала! – рассердилась я.

– Значит, улетел бы! – он пожал плечами.

– Спасибо!

– Я вечером зайду!

* * *

Это было самое счастливое время. Весна в самом разгаре. Мы каждый вечер гуляли или сидели у кого-нибудь дома. Пели под гитару разные песни. Как-то в мае, Ким с Лешим как раз орали «Кино»:

«Солдат шел по улице домой и увидел этих ребят.

«Кто ваша мама, ребята?» – Спросил у ребят солдат.

Мама-анархия, папа – стакан портвейна...».

Ко мне подошел Коля:

– Пойдем, пройдемся? Мне тебе что-то сказать надо!

Он принес большой букет сирени самой разной. И откуда он столько взял? Мы давно с ним не разговаривали и не виделись, он пропал куда-то. Мы шли по песчаной дорожке, мимо медухи к ЦРБ, она находится справа от стадиона «Торпедо». Там – небольшой сквер с лавочками. Я вдыхала запах сирени – он молча шел рядом.

Больница была большая. Дикие яблони уже зацвели. Я вспомнила тетю Иру, она всегда собирала эти яблоки, варила из них варенье. Она была маминой подругой, из всех ее подруг алкоголичек, самой доброй. Они познакомились на кладбище, когда мама хоронила своего очередного бойфренда, который помер от пьянки. Тетя Ира оказалась его родственницей. Они вместе ушли в запой по этому поводу. У нее была дочка, которую она очень любила, звала ее Лёлей (ее имя Оля). Оля ее ненавидела и забирала у нее все, что она зарабатывала. Последний раз она устроилась чистильщицей рыбы. Работать было тяжело, у нее все время болели руки. Когда Оля вышла замуж и ушла жить к мужу, тетя Ира бросила работу и окончательно спилась. А через месяц сгорела в собственной квартире, не потушила окурок и заснула. Пожар был страшный, дом очень старый, перекрытия деревянные. Мне и вправду было ее очень жаль.

– О чем ты думаешь? – Коля заметил, что я задумалась.

– Ни о чем! – не рассказывать же ему про тетю Иру.

Мы наконец-то добрались до лавочки и сели. Я выискивала

в букете цветов с пятью лепестками, чтобы загадать желание.
Коля по-прежнему молчал.

– Что ты сказать хотел?

Он замялся, очевидно, не зная с чего начать.

– У меня никого нет из близких, кроме вас с Женькой. Вы самые дорогие мне люди. Я никому никогда не рассказывал то, что рассказывал тебе.

– Коль, да что случилось-то? – перебила я.

– Я попрощаться хотел, вдруг не увидимся больше!

– Как это попрощаться?

От главного корпуса прямо к нам шли Филя с Сёмой.

– Я в армию ухожу! Повестка пришла!

Коля их не сразу заметил. Они подошли к нам.

– Здорово! – Филя пожал руку Коле.

Сёма сделал тоже самое.

– Ну, че, уходишь? – спросил Филя.

Коля кивнул.

– На хрена? – возмутился Сёма. – Че те делать б... больше нечего?

– Я ему говорил, давай денег соберем – отмажем! А он уперся, как баран, пойду служить! – поддержал Филя.

– Да, шел бы ты! – отмахнулся Коля.

– Не, я тя не понимаю, Колян! – не унимался Сёма.

– Да, хорош уже! Отвали ты от него! Решил так решил! Че теперь?! Мы те шикарные проводы устроим, всем Техасом! – Филя крутил на руке толстую цепь.

– Слышь, пойдём! Нам ещё к Толстому тащиться! – вспомнил Сёма.

– Лано, короче, вечером у Сашки!

Они ушли.

Мы посидели ещё минут пять и тоже побрели к дому. Он думал о чём-то о своём, а я просто не знала, что говорят в таких случаях.

У самой квартиры, он попросил:

– Дай мне фотку на память!

Не люблю фотографироваться, получаюсь всегда по-дурачки, не нравлюсь себе. Отдала ему фотографию, на которой смеюсь, стою, прижавшись к двери. Меня фотографировал брат, она показалась мне самой удачной.

Мне стало ужасно грустно, я не хотела, чтобы Коля уезжал. Обняла его и заплакала. Было такое чувство, будто я потеряла, что-то драгоценное. Будто сейчас все изменится, а остановить это я никак не смогу. Это хуже всего, когда ощущаешь, что сделать ничего нельзя.

– Малыш, ты чего загрустила, а?! Подумаешь, армия! Ты чего?

– Не хочу, чтобы ты уезжал!

– Перестань, два года всего. Это ерунда!

Я заплакала, и он, как-то по-особому прижал меня к себе. Так прижимают родных. Я знаю, что ему было тяжело, но он никогда не показывал вида. Только по тоскливому взгляду его бледно-зеленых глаз, можно было догадаться.

Проводы, действительно, вышли шикарными. Много народу и выпивки. По очереди все говорили тосты. Больше всего мне почему-то запомнился тост Филимона. Он встал с серьезным лицом и сказал:

– Было два друга. Ну, один влюбился в девушку. Ну, типа туда-сюда – шуры-муры. Решил на ней жениться. Пошел к родителям, просить руки. Ну, значит, приходит. Отец девушки говорит, если хочешь, чтоб я ее тебе отдал, то ты должен провести в ледяной пещере на горе три дня и три ночи прикованным. Ну, тот подумал, согласился. В пещере снег, лед, холодрыга. Приковали его. Первая ночь, ему холодно. Уже синий весь, замерз, чуть ли не до смерти. Раз, вдалеке около выхода из пещеры разгорелся гигантский костер – согрел его. Вторая ночь снова ему холодно, снова прямо в последний момент костер разгорается, опять его согревает. Наступает третья ночь – то же самое. Из ниоткуда появился костер супер гигантских размеров – согрел его. По истечении третьего дня пришел отец девушки, снял с него оковы. Все, типа, ты выдержал, давай к свадьбе готовиться. Тот на радостях бежит к другу. Прибегает к нему, ну, стучится – выходит мать парнишки. И говорит, что он умер. Он у нее естественно спрашивает: «Как? Из – за чего?». Она ему отвечает: «Когда ты в первую ночь в пещере был, он собрал весь хворост, который нашел вокруг пещеры, и развел костер, чтобы тебя согреть. Во вторую ночь он вынес из дома все, что горело, и снова разжег костер, чтобы тебя согреть. В третью ночь

он не нашел ничего, что можно было жечь, чтобы тебя согреть, и поджег себя». Так выпьем же за настоящих друзей!

– Во, блин ты загнул! – удивился Сёма.

Все чокнулись.

– Да, лано, Колян, дембель не девушка – мимо не пройдет! – обнадежил Филя.

– О, наконец-то, родная зажигалка! Э, слышь, откуда она у тя? Неделю уже ищу! – обрадовался Филимон, глядя на закуривающего Сёму.

– У Наташки на кухне нашел!

– Угу, тихо спи... л и ушел, называется нашел!

– Так, тихо вы, черти, не жужжите! – сказал Ким. – Колька, раз уж ты идешь отдавать долг, который не занимал, желаю тебе, чтобы ты его побыстрее отдал. Если в пеленках не сдох, не сдохнешь и в портянках. У меня же брат служил на зоне, и нечё, жив-здоров, проблем не знает. Одним словом, служи, как наши деды.

Потом встал Сашка Козаков:

– Ща, пацаны, я реальный армейский тост вспомнил. Слушайте, короче, стихотворение:

Я пью за то, что не сбылось,
За запах девичьих волос,
За неотправленные письма,
За телеграмму «Замуж вышла»,
За суету внутри казармы,
За годы, что пропали даром,

За королеву черной масти,
За отпуска военной части,
За марш-бросок, глухие стоны,
И за старшинские погоны,
Что упадут тебе на плечи,
Как звезды в этот теплый вечер!

– О, ты смотри, выучил! – Удивился Сёма.

Тостов говорили еще много, шутили. Женя с Колей потом ушли и пили вдвоем.

Утром мы проводили его до военкомата. Он улыбнулся на прощание, как-то по-детски, больше он так не улыбался уже никогда. С тех пор прошло много лет, а я все еще помню эту улыбку – грустную, наивную. Если бы Коля знал, что ждет его там?! Если бы знал!

* * *

Через неделю все вернулись к своим делам и забыли думать про Колю. Жизнь продолжалась и как никогда была полна красок и чудес. Мы все так же бегали по дискотекам, собирались компаниями. Случались, конечно, мелкие драки, но кто придавал им значение.

Около «Индианы Джонс» стояли старые деревянные дома. В них жили люди, и они были не в восторге от такого соседства. Постоянные сборища пьяной молодежи, всякие стрел-

ки, громкая музыка и прочее. Какой-то мужчина, дом которого был ближе всего, решил разобраться. Его забили ногами пятеро ребят. Он выжил, но остался инвалидом. Его жена потом кричала на нас, что мы нелюди, твари, сволочи

Я видела только, как его увезли в больницу. И многого не знала. Но мне стало жутко от всего этого.

Я спросила Женьку:

– Что случилось?

– Да, хрен какой-то, начал на наших пацанов вырубаться. Сам нарвался, первый полез! Не х... выё....ся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.